

АЛЕКСАНДР ГИРШОН

2.0.1.7.

#МЕДИТАЦИЯДВИЖЕНИЕПИСЬМО

Александр Гиршон

2.0.1.7.

#медитациядвижениеписьмо

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Александр Гиршон, 2017

Это тексты, которые родились во время практики «медитация-движение-письмо» в 2017 г. #медитациядвижениеписьмо – это простая интегральная практика, соединяющая глубину созерцания, экспрессию в движении и поэтическое оформление через слова своего опыта. Практика, которая помогает выразить невыраженное, быть с невыразимым и воплощать новое. Подробнее на сайте: girshon.ru

18+

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

[2.0.1.7.](#)

[тай 5.0](#)

[чернил и плакать](#)

[апрельские марши](#)

[paradise chronicle](#)

[may or death](#)

[fall rabbit fall](#)

[hard summer](#)

[autumn. fall](#)

[Колыбельная](#)

[just december](#)

Тем, кто практиковал вместе со мной

Эти тексты появились в 2017 г. и родились внутри практики «медитация-движение-письмо». #медитациядвижениеписьмо – простая интегральная практика, соединяющая глубину созерцания, экспрессию в движении и поэтическое оформление через слова своего опыта. Практика, которая помогает выразить невыраженное, быть с невыразимым и воплощать новое.

Эта практика появилась на Лаборатории Dancing&Writing в 2014 г.. Мы экспериментировали с разными идеями совмещения письменных и двигательных форматов и эта последовательность оказалась самой уместной и целостной.

Сама практика описывается ее названием, но может быть очень разной. Чаще всего мы используем равные отрезки времени на каждый из трех этапов. Например, 15 минут медитации – 15 минут танца – 15 минут письменной практики. Это зависит от того, сколько у вас времени и практикуете вы в группе или самостоятельно. В московской группе практики у нас сложилась такая структура: самостоятельная разминка, 20 мин. медитация – 25 мин. движение – 25 мин. письмо, затем мы в кругу, по желанию, зачитываем тексты, появившиеся в практике. Эта четвертая часть тоже может быть особым и значимым процессом.

Мы можем медитировать сидя или лежа или стоя, с открытыми или закрытыми глазами, с разными фокусами. Движение или танец могут проходить под музыку или в тишине (как Аутентичное Движение). Если вы практикуете в группе – это может быть похоже на перформанс или танцевальный джем. Эти две части проходят без слов.

Часть с письменными практиками может быть свободной или структурированной. Часто в свободном письме появляются именно поэтические формы.

Последние два года я практикую эту практику регулярно, совместно или в одиночку. Я решил собрать большую часть этих текстов, чтобы они могли вдохновить вас на свою практику или вообще – вдохновить.

Александр Гиршон

24.12.2017

Ко Панган, Таиланд

тай 5.0

Что остается, когда ожидания смыты дождем?
Что остается, когда Кришну послали за пивом,
Иисус пошел в пустыню и не вернулся;
когда Будда сказал, что все сгорело и пропало;
когда Атман поперхнулся Брахманом?
Что осталось...

Свежесть после дождя.
Переливы далекой музыки.
Третий день нового года.

я пишу по мокрой бумаге,
по листам, увлажненным тропическим ливнем,
невыплаканными слезами,
соком манго и сладкой и легкой слюной поцелуев

я пишу размытыми буквами,
ручка вязнет в размокшем песке, новостях,
разбросанных фактах, в биографиях всех,
с кем я связан

размывается след:
след пера, след шагов, слов,
упавших случайно в сырую траву,
размывается след облаков,

остается бездонное мокрое небо,
с размытыми точками звезд,
с полумесяцем, пол-луны завернувшем во тьму,
остается лишь дождь, многоточие неба

голоса тишины
и четыре строфы с половиной

Дождь, как и человек,
Соединяет небо и землю.

Дождь, как и человек,
Уходит и возвращается.

Дождь, как и человек,
Прекрасен и невыносим.

Безмолвный свет пронизывает все вокруг.
Безмолвный свет пронизывает все внутри.
Безмолвный свет куда не посмотри.
Безмолвный свет и только. Да, мой друг.

Мир молится и молчит
Мир плачет или кричит,
Мир далеко и здесь.
Я просто есть. Я – весь.

Я только взвесь, порыв
Отблеск Твоей игры,
Искра, икринка, крик
Радостной полноты

Вписанный в поворот
Сердца изгиб. Вперед
Взгляд из глубин глубин.
Дома и невредим.

чернил и плакатъ

между импульсом и реакцией
лежит пространство свободы —
маленькая слезинка в уголке глаза
когда ты выходишь на морозный воздух
и мир накрыт белизной неопределенности

между желанием и действием
лежит пространство свободы
расстояние между двумя стеклами
внутреннее окно, ручку от которого я отдал и забыл кому

между тобой и мной
невозможное расстояние
расстояние нашей свободы

твои буквы становятся моими словами
мои слова становятся твоим движением
твое движение становится моей песней
моя песня становится твоим танцем
твой танец становится моим солнцем
мое солнце тонет в твоём океане

я пытаюсь прочесть буквы,
надписанные на внутренней стороне век
я пытаюсь разобрать слова
в складках живота
я составляю фразы из вращений в суставах,
упругого давления пола
и трех выдохов подряд

Внутренние голоса тише, чем шуршание ручки по бумаге.

Боль затихает как колокол старого храма.
Тесное небо становится подушкой для перевернутого сна.
Ты укрылась пледом и рассказываешь о своей маме.

Мир становится лодочкой, сложенной из старой квитанции,
Раскрашенной карандашами цветными.
Это и был твой кораблик, Ной.
Звери утонули и тебе нужно стать всеми ими.

апрельские марши

плотный и влажный текст
слежавшимся весенним снегом
продавливает отмерзающую почву
проседает, освобождая место
для пустого и звонкого воздуха
для дрожащего тела желания
для танца на главной площади

мои плечи тают
запястья поворачиваются под снегом
сквозь неплотно сомкнутые ресницы
в непрозрачный пруд глазниц
падает свет

мое сердце бьется боится
бросается на ребра клетки
прыгает на куполе диафрагмы
замирает в присутствии красоты

в теле нет ничего моего
кроме историй и шрамов

в мире нет ничего моего
только исчезающий след

во мне нет ничего моего
кроме свободы

когда в тексте появляешься ты
я гадаю: ты — это фигура речи
или желание присутствия

другого, не себя,
спутника и соучастника,
шкатулки секретов,
шепота на крутом повороте
я здесь, я с тобой, я здесь

в моих согнутых пальцах лежит немного весны
небольшое солнце светит моими глазами
паутина моих проводов ловит другую весну
ее воздух проходит сквозь поры кожи

я все тот же
я по-прежнему не узнаю
эти залежи жизни, которые я называю собой
я такой
же
я не узнаю

время бьется жилкой в висок
время скачет наискосок
время носится среди трамваев
я узнаю тебя
я узнаю

отовсюду растут слова и пальцы земли
отовсюду гудит голова под куполом неба
это тризна зиме я вскрываю вены земли
я всегда тот кто есть а не тот кто не был

в моем дыхании шелест ветра, который еще не пришел
о только собирается где-то там, над океаном
в моем дыхание — предчувствие бездны
ослепительной бездны божественного присутствия

мое дыхание — это предчувствие
ворот чувств
водоворот
вращение
в центре бездны
я хочу подобрать понятные слова
а приходят те, что хотят быть услышанными

я хочу ясности, а приходит правда
неловкая неудобная
пришла
легла посреди комнаты и никуда не движется
вроде и не мешает, а обойти нельзя
забыть не получится
прикоснуться — страшно
она же неудобная

пусть лежит
пусть дышит
пусть будет

то, что бьется под кожей
и кажется невозможным
и кажется невозможной
жизнью и правдой тоже
и кажется
перестает казаться
становится явью
показывает
как зыбкий снег
не скрывает правды
не может
снег тает

подворачивает края
весна чавкает
выкарабкивается лужами
поднимает юбку неба повыше
начинает свой грязный танец

в пути порастерялись и чаяния и отчаяние
и надежды и невежественные обещания всего и сразу
по пути потерялись зажатые в углу стыдные истории
я разжал угол и они вывалились вылились молочной лужей
по пути колючее недовольство сошло у темного паба
по пути забвение прибилося к ногам, не уходит и тихо сипит
сам путь свернулся буквой «пей», закорючкой проходящего
 праздника
я остаюсь с открытым ртом, словами, вывалившимися
 на дорогу
и твоим взглядом, которого я не могу понять

мир становится просто дыханием
неба и города
мир становится просто шагами
мостовые ходят по подошвам моих ног
мир становится
не может остановиться
не построили еще остановку
катится безвозвратно
вращается потолком
под которым мы с тобой танцуем

и когда твой взгляд все-таки останавливает мир
я исчезаю вместе со взглядом

маленькие пирамидки текстов
вписываются в ландшафт внутренних территорий
иногда они помечены зверем
иногда здесь был эдик

я – ландшафт и путешественник
я проваливаюсь в собственные трясины
карабкаюсь на одном себе неизвестные высоты
наслаждаюсь тихим вечером у огня

по пыльным дорогам банальностей
по пескам отчаяния и тишины
по камням оставленным предками
я кружусь по одной и той же местности

продолжаю кружиться
на берегу с долгим закатом
в теплом воздухе удовольствий и смыслов
продолжаю кружево

солнце становится тяжелее
и волны беспамятства
лижут мои усталые стопы
пора собирать друзей и семью на ужин

мурчащий ум
хвостатых дум
полон и темен

сквозняк души
пиши-пиши
бросай им зерен

река руки

теки-теки
за поворотом

придет другой
покой-покой
и все там

Движение на вынос.
Вынести себя из себя.
Обнаружить нехитрую правду ускользающего,
Непрерывно ускользающего «я».
Я-движение, я-танец.

А ты кто?

Смотри в глаза!
В глаза смотри!

Смотри руками, губами, смотри своим сердцем и кожей,
деревом и библией нервов

Кто ты?

Иисус, нисходящий в ад,
или Моисей-заика на полпути из Египта?

Кто ты?
Просто другой?

Вывести себя из себя
как загадочную формулу со многими неизвестными.
Вывести себя из Египта,
Вывести себя из Гефсиманского сада, Голгофы, пещеры...

Не зная, идут ли другие за мной.
Не зная, распнут ли другие меня.
Не зная, выйду ли я из ада.
Ад – это другие или отсутствие других?

Выводок слов опускается на холодную землю,
Смотрит чернильными глазами,
Тихо напевает,
Топчет известную землю,
Улетает неизвестно куда.

paradise chronicle

Я помню, что именно здесь
глубина соединяется со сверкающими отражениями
солнечных лучей на поверхности воды.

Я помню, что именно здесь
боль горит тысячелетним пламенем
и сжигает химеры
маленького «я»

Я помню, что именно здесь
простота и роскошь — только фон
для пения птиц,
плеска волн,
момента вне времени и пространства,
момента здесь и сейчас.

В отношении мира и моря
я знаю, что наши размеры
меняются время от времени.
Что служит мне мерой?
Откуда уверенность в этом плеске,
уходящем песке,
уходящем за гору солнце?
Между мной и миром
нет границы,
есть безграничность,
а еще — маленький камень в руке.

Сердце стучит в диафрагму,
море бьется о берег с другой стороны реальности.
Они встречаются только в пространстве этих слов.

Мир, как и тело, плещется волнами в море внимания:
слой боли/слой тишины, слой блаженства/слой пустоты...

Медитация встречается с моим одиночеством,
я – каменистый берег,
волны времени перекачивают меня,
перемешивают меня с вечностью.

Если солнце обжигает мне губы,
значит ли, что оно целует меня?

Если жизнь врывается ветром в тело,
вырывает меня из собственных рук и слов,
значит ли, что она флиртует со мной?

Если смерть шлет свои послания,
оставляет приметы, знаки,
значит ли, что она страстно любит меня?

Если между мной и миром
больше нет преград,
кто кого любит?

Камни хрустят под моей спиной,
расступаются под моим весом,
сопротивляются моей мягкости.

Здесь я танцую с камнями
и ясно чувствую, что сам состою
из этих камней: из событий, из мыслей, из действий.

Сложены рядом друг с другом,
они создают узор моей жизни.

Любое движение
может сдвинуть этот рисунок
и новые смыслы выскользнут на поверхность,
другими чувствами раскроются те же связи,
неровная правда сменит неровную правду.

may or death

если писать на коже, но изнутри,
будет похоже на то, что ты смотришь
фильм с закрытыми глазами
по голосам узнаешь
кто из них врет самому себе
пытаешься увидеть там, где смотреть бесполезно

если слезы и пот ползут по коже изнутри
будто слушаешь музыку
за пределами слуха в шесть величин уха
уходишь в глубину тихо
в тишину между нот и интерпретаций нот
музыка вращает тебя пюпитром

если стучаться к себе изнутри
болью и снами своими стихами
получать пинки невыразимого
никак не усидеть в одном месте самого себя
постоянно выходить из себя на улицу
быть брошенным в объятия мира

если бросаться в мир изнутри
забрасывать его комками движений
втыкать в него булавки слов
припечатывать стопами землю
мир ворочается дождями восходами
мир подглядывает за тобой и тихо смеется

FALL RABBIT FALL

мышцы и мысли полощутся на ветру в этом городе
я умру в понедельник
я пройду по своим же следам в этот день

и останусь
остановлюсь
стану останками
остановкой времени
остановкой дыхания

установлю те же законы
что и миллионы
до меня и после
я послан
был?
или только сейчас послан?
я посланец слов или тайны?

я смотрю на часы
мое время уходит
мои уши шевелятся на ветру
я опять опоздал на разгадку
этой тайны
мне осталось только прыгнуть в нору
провалиться насквозь

ты спасаешь меня любопытством
странных размеров
 снова сад манит тебя
зачарованным светом
ты не помещаешься в доме моем
в мире моем в море
в кастрюле в сердце моем

смешай меня с краской
которой красят эти стены
измельчи меня в пыль
которой дышат эти люди и звери
выпей меня Алиса

ты больше не будешь прежней

я умру в понедельник
я падаю
следуй за мной

мы — редкие звери
занесли себя в книги

хрупкими многоточиями
отмеряем время

тикаем на ухо друг другу
глупости и нежности

мы мычим безъязыкими смыслами
камушки-мы мыском мысли отброшены в сторону

мы торчим застрявшими камушками
чтобы время споткнулось о нас и охнуло

hard summer

Взять небо в свои руки
и написать на нем
«Облака сегодня красивы».
Запнуться об эти слова
и рухнуть в незнание.

Выплыть.

Рух — это движение по-украински.
Птица, несущая мир и войну на своих крыльях.

Что несет мое движение, мой Рух сегодня?
Много радости и молчания.
Облака сегодня красивы безо всяких слов.

каждое движение и каждое слово помещается
в пространство
я отвожу ему место или маршрут
каждое движение и каждое слово помещают меня
в пространство
я двигаюсь рядом с тобой
мысли хвостами непойманных рыб разбегаются при твоём
приближении

каждая остановка каждая тишина отмечает течение
времени
пауза между вдохом и выдохом
пауза между словом и словом
пауза перед началом
пауза после завершения
каждая тишина отмечает неотвратимость
каждая остановка зовет забвение
ты молчишь рядом

закатное солнце тонет в реке непойманных рыб

каждая красота намекает на вечность
на невыносимость и возможность красоты в это мгновение
на неизбежность и неотвратимость красоты в этом
мгновении

в этих руках
в этих глазах
в этой тишине
в этом движении
в этом слове

в полуулыбке
в полудвижении
я несу половинку смысла
и не требую от тебя второй

в сумерках
в полутьме
я едва различаю дорогу
и не вижу того, кто идет за мной

полушепотом
полумычанием
я пою эту странную песню
полушепотом мир отвечает всем нам

если с собой просто
я своего роста
я своего веса
я со своим смехом

если с собой сложно

кажется невозможным
тяжким и непонятным
чем я чужим занят?

если с собой ясно
губы горят красным
ноги идут в гору
не с кем внутри спорить

если с собой тайна
если с тобой тайна
если совсем тайна
это же ты, танец?

три способа заняться любовью с миром
медитация — заниматься любовью вниманием
танец — заниматься любовью движением
письмо — заниматься любовью словами
три тысячи способов заняться любовью с миром

музыка в волосах
музыка запуталась в волосах
музыка запуталась в волосах ветра
ее не слышно
мы в паутине
мы в паутине своих желаний
мы ткем паутину своих желаний
тянем за ниточки
хочешь
хочешь я напишу поэму
хочешь я напишу поэму прямо на тебе
прямо под кожей

где-то на самом дне моей боли
стоит маленький город с рекой и зелеными улицами
по улицам ходят спокойные люди и знают все о соседях
они уезжают работать и возвращаются вечером
сидят на лавочках в парке и часто молчат
где-то на самом дне моей боли
на краю этого города
раз в неделю в большом зале включают музыку
и люди приходят и молча танцуют
улыбаются плачут и снова танцуют
в этом храме на самом дне моей боли

слова сдаются в плен
но смотрят наружу
в невыразимое
слова родом из хаоса и невыразимого
но давным-давно их взяли в плен и сказали
будешь работать

у слов дрожат буквы и звуки
они устают от разлуки
с матерью-пустотой и отцом-хаосом
они бредут чередой
строками

сколько оттенков молчания
можно найти за лачугами слов?
сколько цветного и пахнущего яблонями молчания?

сколько такой непростой красоты
в скромных усилиях слов?

слова говорят мною

язык говорит мною
мать-пустота и отец-хаос
говорят мною

слушай
слушай
прямо сейчас

чтобы вернуться в настоящее нужно все забыть
забыть свои желания и сомнения
забыть свои идеи и воспоминания
все забыть
забыть себя знающего о себе
знающего свои мысли и чувства
знающего свои страхи и разочарования
знающего свои истории
этого никогда не удастся достичь по-настоящему
надолго
только краткие мгновения исчезновения истории
краткое мгновение настоящего
мир только что родился
у него нежная кожа
и это мгновение настоящего — начало новой истории
той же самой или другой?
и так и так

и так и так
время течет неравномерно
тянется долгими минутами молчания и тишины
несется часами пустой суеты и шума
время управляется взглядом
взгляд направленный на циферблат на спидометр
на календарь диктует свое время
взгляд направленный в глаза

внутри глаз
в миры за глазами
тянет за собой совсем других драконов времени

вытащить слово изнутри
как вытащить живые органы из живого тела

возьмите мою печень
клюйте
вы станете орлами
посланниками власти

возьмите кишечник украсьте им праздник
этой гирлянды хватит на два дня

возьмите легкие
посадите как дерево
дерево с корнями вверх
дерево с корнями в небо

возьмите мозг
вместе с черепом
пожонглируйте им
поиграйте старую пьесу

возьми мое сердце
на котором написано
«возьми мое сердце»
почему-то на испанском
toma mi corazón
я укутываюсь чужим палантином языка
я прячусь в ритм и рифму
я смотрю глазами полными слез и печали
на развалины дома бытия

и вновь и вновь строю новый дом бытия
speak my language

autumn. fall

Когда все мысли додумают самих себя и уйдут на покой,
Когда скроется в дыме и тьме ресторанов последний герой,
Когда в джазе ночной реки проступят блики твоего лица,
Когда море раскроет руки и будет любить меня без конца,

Когда время проступит сквозь плитку, бетон и асфальт,
Когда поздно будет любить и весело умирать,
Когда вечер покроет голову цветной листвой,
Ты придешь и скажешь мне: Танцуй и пой!

Ты придешь и скажешь – Пой и танцуй,
Нам досталась радость в ночном лесу,
Нам досталась радость в трубах и проводах,
Пей тоску и танцуй, падай в страх и танцуй!

Все равно все горит, все уходит во тьму,
Ты сгоришь, ты уйдешь, уходи и танцуй!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Боль затихает.
В теле боль затихает.
В тепле боль затихает.
В прозрачном осеннем воздухе боль затихает.

Затихает,
сворачивается клубком,
прячется в нору между рёбер,
сопит,
недолго ворочается.
Затихает.

Листья меняют цвет,

люди меняют одежду,
время меняет свой ритм,
боль затихает на время.
Покачивается на желтеющих листьях времени
и затихает.

To Mary Starks Whitehouse

Hello Mary
в белом домике все хорошо
свечи горят
пахнут цветы
глаза закрыты

Hello Mary
немного правды
не повредит никому
вечер спускается в город
и зажигает тьму

Hello Mary
в самой глубине
простого движения
есть благословение
и больше ничего
нет

ухватить жизнь
за убегающие пятки
за смешные косички
за локоны полные ветра

ухватить жизнь

за прозрачный воздух
за мерзлую землю
за шуршащие листья

ухватить жизнь
за гул вождления
за бездну печали
за звездную тишину

мы танцуем
мы падаем
мы смеемся
жизнь хватает меня за пятки

словарь твоего тела букварь твоих губ
я учусь языку пустоты и пауз
волна тепла оседлала мир и катится сквозь тебя
и все, что от тебя осталось

этажи твоих писем города твоих слов
перелеты и перепады сомнений
мир свернулся знакомой кошкой у тебя на груди
и мурлычет во сне гоняясь за тенью

океан твоих чувств и реки нашей печали
ландшафты смысла смыла вода
в тишине твоих мыслей кружась по большой спирали
время танцует два танца: сейчас и всегда

осень вытекает из глаз вместе с дождем
вместе с дождем ненаписанных слов
недосказанных фраз

лужи недописанных писем
лежат под ногами
их лижут осенние листья

то, что сказано, тает,
исчезает
просветом меж облаками

то, что сказано, недостаточно
то, что сделано, недостаточно
то, что прожито, недостаточно

точно что-то внутри знает меру
что-то безмерное внутри знает меру
меряет мир,
шуршащий желтыми листьями,
ночными огнями и треском клавиатуры

что-то безмерное меряет мир
внутренними шагами
ускользающим временем
листьями слов
каплями на стекле

Оказаться на самом дне самого себя.
В глубине.
Наверху – купол черепа,
беззвездный,
по-библейски черный,
но даже до него не дотянуться

На самом дне самого себя – другая тьма,
проницаемая,
прикасаемая,

шепчущая:

– Здесь мы все, все непростые истории, все несказанные слова, все действия, утонувшие в сомнении, здесь мы все ждем тебя, чтобы смотреть незрящими глазами, чтобы оставить тебя с нами...

На самом дне самого себя
я прислушиваюсь к стуку – сверху, сбоку?
Бог говорит по-таджикски,
утверждает, что он – женщина,
что нужно починить крышу
и тогда в куполе черепа появятся звезды.

прозрачный и страшный воздух
осень переходящая в зиму
становится все яснее, что умирает и что остается
кажется,
что становится все яснее

но тьма поедает полосы света

я смотрю на полосы света на твоей руке
на твоей щеке
тьма наступит
через некоторое время

небо тарашится на мои обнаженные корни
небо проваливается в уходящую почву
микрапокалипсис соседствует с благодатью средних
размеров
танец проникает сквозь поры кожи
клубится внутри теплыми облаками

танец не дает обещаний
он ускользает

я становлюсь обещанием самому себе
оставаться на своей стороне
и тогда среди прохожих
можно заметить немного людей
ты сидишь неподвижно посреди потока пассажиров
пустая статуя заполненная космосом и хаосом
веки иногда подрагивают
дыхание длится
прямо посреди дурной бесконечности
ты не исчезаешь
и ничего не обещаешь

жизнь касается меня тобой
и она же вздрагивает от прикосновения

жизнь касается тебя мной
и замирает в ожидании ответа

я делаю шаг в дождь
чувствую себя мокрым

ты делаешь шаг в дождь
— на волосах сверкают капли

ночь подползает ко мне
и укрывает теплом и тьмой
рассказывает сказки

неспешными разговорами
потрескиванием камина
хаосом социальных сетей
долгим прикосновением

жизнь сочиняет сама себя
и никак не может определиться с жанром
никак не может определиться

ритм создается и рвется,
музыка ищет выхода в звуках

тихое празднество интровертов:
закутать всех в теплое темное

в унылой ноябрьской готике
остаётся время для музыки

остаётся несложное и небольшое:
сохранять тепло в руках и чашках

время от времени
доставать себя из холодильника
и таять

писать незаконченные письма
на другую сторону времени

быть взглядом
для морозных узоров

just december

меч внимания разрезает червивую мысль напополам
две половинки извиваются
каждая в своем полушарии

ощущения рассыпаются в пыль
звездную пыль посреди пустоты
меч внимания падает в бездну

так создается бездна внимания
колодец живого присутствия
мир продолжает жить в колодце

поить всех
отражать всех
гудеть в ответ
всем, кого нет

есть только меч внимания
перерубающий себя пополам

в тебе я нахожу не ответы,
а возможность посмотреть туда,
где их можно найти

в тебе я нахожу не ответы,
а простое тепло,
чтобы продолжать путь

в тебе я нахожу не ответы,
а напоминание о тайне,
для которой ответа нет

иногда ты — это я
иногда ты — это они вместе
иногда ты — это дверь
за пределы меня

я смотрю из пустоты на чистый экран
из внутренней пустоты в пустоту нерожденного
и чувствую эту пустоту живой

смотрю как в этой пустоте помещаются
весь я
все мы
все они
все сразу
пустота остается собой

смотрю как меняются
весь я
все мы
все они
все сразу
пустота остается собой

между ужасом и восторгом
между возможным и неизбежным
другая пустота

между хаосом и недоумением
между тобой и мной —
еще одна пустота

река тверской
впадает в московское море
зимним холодом и гулом

мир ставит точку в этом тексте

пусть ты
простишь меня
в пустом зале
своим танцем

чувство вина и сыра непатриотично
чувство унылого декабря непатриотично
madre muerte e patria
заводят опасный хоровод вокруг ненаряженной елки

чувство молока и меда
напоминание о кашле
в детстве разрывающем горло

чувство музыки
выхватывает из «здесь»
в еще большее здесь

к сейчас есть вопрос
также как и к чувству времени
уходящего
непослушного
пожирающего
неуловимого
времени

остановимся на вине и сыре

опустить свое тело в реку времени
смотреть на мигание точек в часах
на тьму наступающую неумолимо

мерять длительность продолжительностью
перемещениями от точки к точке

каждая точка на карте — провал во времени
завиток в реке
меня несет
река городов
река самолетов
река взглядов
река объятий

от Ижевска к Тель-Авиву
от Киева к Питеру
все через Москву
а Москва — особый провал во времени
не завиток, а водоворот

река земли течет вокруг солнца
река солнца тонет в бесконечном молоке
мое тело давно утонуло в реке времени
ее рыбы говорят со мной прямо сейчас

Иногда можно устроиться уютно внутри себя:
Разместиться внутри изгибов и полостей так, чтобы ничего
не мешало.
Завернуться в плед бытия: в дыхание, кожу, неизвестно
откуда пришедший покой.
Накрыть себя теплой тьмой, в которой мерцает внимание.
Слушать, что шепчет сладкая тишина.
Не пытаться удерживать мир.
Уже не пытаться.